

ОТ РЕДАКТОРА

1.

Социолингвистика — одна из самых молодых и наиболее динамично развивающихся областей языкознания, завоевавшая за несколько десятилетий прочные позиции в ряду других языковедческих дисциплин. Сегодня уже никого не удивляет то, что еще недавно показалось бы странным и искусственным: подчеркнутое внимание исследователей к социальной стороне почти любых лингвистических проблем. Историческое развитие языка и фонетика, логическая семантика и синтаксическая вариативность, даже морфология — на все стали смотреть не только как на чистую структуру, но и как на языковые подсистемы, функционирующие в реальном речевом общении.

Это относится и к России, несмотря на то, что в течение многих десятилетий в нашем отечестве под именем социолингвистики существовал странный гибрид «исторического материализма» и идеологической конъюнктуры. Рожденные в результате этого сожительства уродцы — сочинения типа «Язык и общество», «Язык и нация», «Торжество ленинской национальной политики» — составили к концу XX века целые библиотеки, занимавшие на книжных полках место, которое должны были бы — и могли бы — занять совсем другие книги. Не углубляясь в историю российского языкознания (см. Алпатов 1991, 1997, 1998, 2005; Крючкова 2004; Вахтин, Головкин 2004: 19–24), скажу только, что традиция социальной лингвистики, заложенная в начале XX века в России и связанная с такими именами, как М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов, С. И. Карцевский, Б. А. Ларин, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, Р. О. Шор, Л. П. Якубинский и другие, не получила, к сожалению, никакого развития в последующие десятилетия. Это обидно вдвойне: не только из-за пресловутого «приоритета отечественной науки», но и потому, что именно в 1930-е годы мировая лингвистика, если можно так выразиться, «дозрела» до серьезного изучения идей, лежащих в основе этого подхода.

В 1936 году Бронислав Малиновский писал в рецензии на книгу Льюиса (позволим себе пространную цитату): «Можно ли рассматривать язык как независимый объект исследования? Может ли наука о словах, о звуках, грамматике, лексикологии считаться законной областью знаний? Или любое изучение речи должно приводить к социологическому исследованию, к тому, чтобы считать лингвистику ветвью общего изучения культуры? <...> У этой дилеммы современной лингвистики — далеко идущие следствия. На самом деле это — выбор между тем, станет ли наука о языке по-настоящему эмпирическим исследованием живых людей в контексте их практической деятельности, или сведется в значительной степени к дедуктивным аргументам, состоящих из рассуждений исключительно на основе письменных или опубликованных свидетельств. <...> Грамматист и лексикограф, возможно, вынуждены будут оставить свой уютный двухмерный мир пергамента и бумаги и либо отправиться в поле, либо положиться не только на материальные свидетельства словесного характера, но и на те аспекты человеческой жизни, деятельности и социальной организации, которыми определяется использование слов. Автор настоящей рецензии, как и большинство современных антропологов, выступает за эмпирические основания лингвистики и выдвигает живую речь в её актуальном ситуативном контексте как центральный объект лингвистического исследования» (Malinowski 1936: 63–65).

Для русских исследователей первой трети XX века такой подход не был новым: именно об этом перечисленные выше ученые писали начиная с 1910-х годов и вплоть до того момента, когда в СССР писать и печатать что-либо осмысленное в этой области знаний стало невозможно. Не станем загромождать предисловие цитатами; вот только одна — из знаменитой книги В. Н. Волошинова/М. М. Бахтина: «Чтобы наблюдать процесс горения, нужно поместить тело в воздушную среду. Чтобы наблюдать явление языка, нужно поместить производящего и слушающего звук субъектов, равно как и самый звук, в социальную атмосферу»¹.

Заметим, что это написано в конце 1920-х, в эпоху, когда на традиционное языкознание филологического извода в России шла атака с двух сторон. С одной стороны, на него нападали «социальные» лингвисты и антропологи «боасовской» школы (напомню, что «боасовская» антропология включала изучение языка исследуемого народа в качестве обязательного компонента); с другой — последователи формальной «фортунатовской» школы, а затем и (пражские) структуралисты. Первые ругали сторонников традиционного языкознания за то, что те отрывают

¹ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. С. 56.

предмет лингвистики от живой речи, от «психологической реальности», как это тогда называлось, вторые — за неразличение синхронного описания и истории, за несистемность, «эпизодичность и анекдотичность», за нежелание отнестись к предмету исследования как к формальной, инвариантной структуре. Традиционной филологией, как видим, были в те годы недовольны все — но по разным причинам. И структурализм, и социальная лингвистика сформировались примерно в одно время и, в каком-то смысле, как протест против одной и той же традиции, как бунт разных молодых против одних и тех же старших. При этом и те, и другие осознанно противопоставляли себя друг другу². Как точно формулирует Питер Бёрк, широко известный *исторический* поворот девятнадцатого века сменился *структурным* и *социальным* поворотом середины двадцатого века (Burke 2004: 2).

Через пару десятков лет разногласия между оформившейся социолингвистикой и генеративной грамматикой, выросшей из структурализма, вышли на новый уровень рефлексии. Один из «классиков» социолингвистики Джон Гамперц писал в 1968 году: «...исследователи речевых общностей существенно отличаются от своих коллег, занятых анализом текстов. Последние склонны рассматривать языки как независимые целые, развившиеся из однородных протоязыков в соответствии с регулярными звуковыми законами. Первые же, напротив, исследуют прежде всего поведение <...>» (см. в данной книге, с. 89) — здесь об историческом языкознании уже ни слова, прежний оппонент уже «повержен», зато совершенно отчетливо звучит противопоставление структурной лингвистики как «мертвой» и социолингвистики как «живой».

На протяжении второй половины XX века сторонники обоих названных направлений довольно активно соперничали друг с другом. Еще полтора десятка лет назад широко распространены были следующие рассуждения: бралась какая-нибудь «агрессивная» цитата из представителя «теоретической» (или, как её иногда называют, «автономной») лингвистики³, и затем подробно и эмоционально доказывалось, что

² Так, Р. О. Якобсон, вспоминая о приезде Ю. Н. Тынянова в Берлин в 1928 году, за год до опубликования «Тезисов Пражского лингвистического кружка», писал, что все яснее начинает понимать, что именно «...препятствует необходимому перерождению формального анализа в целостный, структурный охват языка и литературы. Неприемлем подмен такого перехода мертвенной академической описью форм или же капитулянтскими попытками компромисса с вульгарным социологизмом» (цит. по: Чудаков А. П., Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Комментарии к книге: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 532). См. также: http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet6.htm#_wwr

³ Например, такая: «Очевидно, что разные группы демонстрируют вариативность речи: парижане говорят по-французски, жители Вашингтона — по-английски, жители

оппонент не прав, потому что отказ рассматривать вопросы типа: «как могут языки выполнять коммуникативную функцию при наличии вариативности?»; «почему языки меняются?»; «что реально значит, что Вашингтонцы и Монреальцы говорят по-английски, если их речи различается очень значительно?» — существенно обедняет науку: язык превращается в очищенную от «всего лишнего» абстракцию, по поводу которой любые теоретические спекуляции оказываются возможными. «Отвергая вариативность, признавая её случайностью в языке, — писал Флориан Кулмас в предисловии к своему учебнику, — лингвистическая теория не позволяет нам даже опираться на эмпирические факты, не говоря уж о том, чтобы сделать эмпирические факты основной нашего понимания того, что есть язык» (The Handbook of Sociolinguistics 1997: 4).

Однако за последние 10–15 лет мировая социолингвистика довольно далеко ушла от того состояния, когда её главной задачей было противопоставить себя как науку, объект которой находится «в реальном мире», асоциальности и внеисторичности формальной, структурной лингвистики. Иначе говоря, она вышла из подросткового возраста с его пафосом ниспровержения и негативизма. Сегодня подобные выпады в адрес «теоретиков» (как, впрочем, и обратные выпады) воспринимаются как анахронизм⁴: социолингвистика доказала свое право на собственные подходы, методы и теории, и начинает осознавать себя не «единственно верным учением», которое все должны принять, и не панацеей, способной ответить на все вопросы, а одной из равноправных лингвистических дисциплин. Так, например, если раньше социолингвисты тратили силы на борьбу с понятием *competence* в смысле Хомского, доказывая, что применение этого понятия недопустимо обедняет объект исследования, то сегодня они скорее задумываются над тем, какими смыслами нужно наполнить это понятие, чтобы социолингвистика смогла им воспользоваться (см. Sidnell 2001). Эпоха холодной войны между «чистой» и «социальной» лингвистикой сменилась эпохой мирного сосуществования.

Монреаль — на обоих языках. Ясно также, что дети говорят не так, как их дедушки и бабушки, что мужчины и женщины не обязательно равны по своим языковым способностям, и так далее. Короче говоря, абсолютно любой социальный параметр может быть локусом языковых различий. К сожалению, для лингвистической теории отсюда не следует ничего интересного» (Smith 1989: 180; цит. по: Coulmas 1997: 3).

⁴Например, Николас Купланд пишет, что подчеркивать социальный контекст в определении социолингвистических приоритетов, чтобы дистанцироваться от структурных подходов к языку и подчеркнуть опору на реальную речь, как она на самом деле функционирует, а не на интуитивные или искусственные языковые факты, «было когда-то важно» — но сегодня это уже имеет скорее исторический интерес (Coupland 2007: 4).

2.

Большинство идейных споров между, условно говоря, сторонниками Хомского и сторонниками Лабова прошли практически мимо внимания российских вузовских преподавателей (за очень редкими исключениями) и, соответственно, мимо внимания студентов. Это произошло не по вине преподавателей, и тем более не по вине студентов, однако это, к сожалению, факт. Догонять трудно и неприятно, но необходимо. Предлагаемая вниманию читателей хрестоматия призвана помочь российским вузам в этом нелегком деле. Эта хрестоматия — первый из нескольких томов переводных текстов, которые должны послужить дополнением к учебнику (Вахтин, Головки 2004; в печати).

В хрестоматии три части. Первая часть — «Классика» — включает пять текстов (самый ранний — 1948, самый поздний — 1968). С этих работ «все началось» и не знать их филолог-лингвист не имеет права⁵. По каждой из публикуемых здесь статей (кроме, пожалуй, статьи Сводеша, которую, как часто бывает с работами, опередившими свое время, долго не замечали) существует большая литература, в том числе — и более поздние работы их авторов, полемизирующие с оппонентами, уточняющие и развивающие некоторые положения. Однако публиковать все эти дискуссии нет никакой физической возможности: те, кому это интересно, легко сумеют найти соответствующие тексты, многие из которых многократно переиздавались.

Два следующих раздела хрестоматии — «Языковое варьирование», куда входят работы по вариационной социолингвистике, и «Языковой сдвиг и новые языки», включающий наиболее известные статьи по этой проблематике⁶.

Задача хрестоматии — не в том, чтобы дать самые новые или самые модные работы, а в том, чтобы помочь заполнить пробел в русских переводах между серединой 1970-х, когда вышли упомянутые тома *Нового в лингвистике*, и нашими днями. В западной науке, прежде всего англоязычной, за это время появилось много десятков текстов, главным образом работы конца 1980-х — начала 2000-х годов, на которые постоянно ссылаются, которые составляют, так сказать, основу современных социолингвистических исследований. Эти тексты постоянно переиздаются

---

⁵ Это, конечно, далеко не полный список «классических» работ, однако наша задача несколько облегчается тем, что переводы многих работ этого времени, ставших классическими, вошли в два тома *Нового в лингвистике* (1972, 1975).

⁶ Рубрики данного тома хрестоматии могут показаться случайными, однако необходимо помнить, что это — первый том: последующие тома призваны покрыть другие, не вошедшие в данную книгу темы.

(как правило, с сокращениями) составителями различных вузовских хрестоматий и учебников, которых по-английски существуют десятки.

Только за последние шесть лет вышло как минимум четыре больших хрестоматий: (*The Routledge Handbook of Sociolinguistics 2010; The New Sociolinguistics 2009; The Discourse Reader 2006; The Language, Discourse, Society Reader 2004*). Отметим также кембриджскую серию «Ключевые темы социолингвистики» (*Key Topics in Sociolinguistics*), в которой уже вышло около десятка сравнительно небольших по объему тематических книг, адресованных студентам и аспирантам (например, *Watts 2003; Spolsky 2004; Blommaert 2005; Fough 2006; Tagliamonte 2006; Coupland 2007; Edwards 2009; Garrett 2010*; и другие).

На поверхностный взгляд может показаться, что книги, перечисленные в предыдущем абзаце, посвящены разным предметам: социолингвистике, двуязычию, дискурс-анализу... Однако нужно сказать, что с рубрикацией современной социальной лингвистики дело обстоит чем дальше, тем хуже. Если лет тридцать назад казалось, что мы понимаем, где проходят границы между социолингвистикой и социологией языка, между лингвистической антропологией и социальной психологией, между исследованиями языкового сдвига и изучением переключения кодов, то теперь наступил естественный для любой науки период пересмотра внешних и внутренних границ. Как пишет Джек Сиднелл, «конверсационному анализу, лингвистической антропологии и более широким областям социолингвистики есть чему поучиться друг у друга» (*Sidnell 2008: 479*). И хотя попытки разграничения разных областей социолингвистики, естественно, по-прежнему предпринимаются⁷, не следует слишком серьезно относиться к разным названиям: в последнее время социальная психология языка, лингвистическая антропология, социология языка в значительной мере сошлись во взглядах на многие вопросы: социолингвистика все больше поворачивается лицом к качественным, «этнографическим» методам и объектам исследования, к социальной антропологии и анализу дискурса, а лингвистическая антропология чем дальше, тем больше сближается с политэкономией (*Heller 2008: 505*).

---

⁷ Ср.: «...социолингвистика в большей степени интересуется тем, как социальная организация формирует языковые формы и функции. Социология языка обычно принимает структурно-функциональный подход, чтобы описать и объяснить эту связь <...>. Социальная психология языка фокусируется на моделировании мотивации говорящего при выборе языка, и часто применяется для объяснения явлений языкового сдвига и сохранения языка, которые, в свою очередь, принадлежат социологии языка. Лингвистическая антропология в меньшей степени сосредоточена на фиксированных формах и границах, однако её ориентация на культуру иногда оттесняет на задний план политико-экономические основы образования смыслов» (*Heller 2008: 505*).

3.

Принцип подачи текстов, принятый в данной книге, отличается от большинства известных нам англоязычных хрестоматий. Как правило, подобные хрестоматии идут по пути собирания вместе коротких текстов, иногда по 3–4 страницы из книги или статьи, представляющих основные термины, идеи, методы социолингвистических исследований и снабженных небольшими введениями от составителя⁸. Хрестоматии, устроенные подобным образом, имеют массу достоинств и идеально выполняют свою функцию: это — сборники текстов для студентов, изучающих дисциплину. Осилить 500 с лишним страниц такой хрестоматии, студент получает сравнительно полное представление об основных именах, названиях, теориях и терминах изучаемой дисциплины. Однако с нашей точки зрения, у такого способа подачи материала есть один недостаток: не давая полных текстов статей, составители не имеют возможности показать, как авторы строят свои исследования и как потом они строят изложение своих результатов. Следовательно, по таким книгам нельзя научиться проводить самостоятельное конкретное исследование, а именно это, как нам кажется, и является сегодня главной задачей обучения социолингвистике в России.

Поэтому составители данной хрестоматии пошли по другому пути. Мы ограничили количество текстов — здесь их 22 (против, например, 37 в упомянутом *The Discourse Reader*), но зато получили возможность почти во всех случаях дать полные тексты статей. В нашей хрестоматии только три «главы из книг»; остальное (имеется в виду вторая и третья часть) — исследовательские статьи, проработав которые, читатель сможет не просто узнать, какими теориями, терминами и методами пользуется тот или иной исследователь, но и как он выстраивает свое исследование — от фазы постановки задачи, через определение и описание методики и до представления конечных результатов. Чтобы дать читателю эту возможность, мы не стали почти ничего сокращать в публикуемых статьях — хотя иногда искушение было велико.

---

⁸ Так построен, например, уже упомянутый *The Discourse Reader* (Jaworski, Coupland 2006): в первом разделе здесь дается английский перевод фрагментов статьи Якобсона «Лингвистика и поэтика», которые все вместе занимают семь страниц; потом три страницы, озаглавленные «О фатической коммуникации», из книги Бронислава Малиновского «The Problem of Meaning in Primitive Languages» 1923 года; потом фрагменты из книги Ирвинга Гоффмана «Interaction Rituals: Essays of Face-to-Face Behavior» 1967 года общим объемом 12 страниц, и т. п.

4.

Несколько слов о переводе. Основная переводческая трудность в данном случае связана с известным в (социо)лингвистике понятием *inference*. Проще всего объяснить, что имеется в виду, с помощью цитаты: «Довольно часто слушающий опирается на то, что помнит из предыдущего разговора, на свои ожидания того, что должно последовать, а также на культурно-специфические фоновые знания, приобретенные в ходе предшествующего опыта коммуникации, чтобы заполнить то, что остается несказанным. Для обозначения ментальной операции, которую мы используем для получения такого знания и включения его в процесс интерпретации высказывания, используется термин *inference*» (Gumperz 2001: 126).

Авторы большинства статей, представленных во второй и третьей частях этой книги, не просто знакомы с работами друг друга, но зачастую и хорошо знакомы лично, годами работали вместе, участвовали в общих конференциях, писали совместные статьи, писали положительные или отрицательные рецензии друг на друга, ссорились и мирились — словом, жили нормальной научной жизнью. В памяти каждого из них — опыт предыдущего общения с коллегами, опыт написания книг и статей, опыт полемики, споров вокруг терминологии и методики, воспоминания о своих и чужих выступлениях на конференциях, воспоминания о критике коллег, об удачах и неудачах... Все это, естественно, не может не отражаться в написанных ими текстах.

Русский (да и любой другой) студент вступает в этот мир почти совершенно лишенный способности того самого *inference*, то есть лишенный способности читать подтексты, лишенный знаний о подспудной полемике, о принятых в сообществе конвенциях, правилах поведения и табу. Ввести его в этот мир должен был бы преподаватель, а в случае хрестоматии — переводчик и комментатор. Однако многолетняя оторванность российской социалингвистики от мировой, наше недостаточное знание литературы, наше неучастие (неважно — вследствие ли «позднего прибытия» или недостаточной информированности) в важнейших событиях западного социалингвистического мира часто лишает переводчиков и комментаторов такой возможности. Представителей России не было ни среди тех, кто стал авторами первого, кажется, тематического сборника по языковой смерти (*Language Death* 1977), ни среди участников брюссельской конференции 1979 года по языковым контактам и конфликтам, по материалам которой вышел знаменитый сборник статей (*Sprachkontakt und Sprachkonflikt* 1980), ни среди авторов серии статей в журнале *Language*, специально посвященной проблема-

тике исчезающих языков (Endangered Languages 1992). До недавнего времени они были редкими гостями и на таких серьезных для социолингвистики событиях, как ежегодные съезды *Linguistic Society of America* или *American Anthropological Association*⁹.

Конечно, что-то мы знаем и по мере сил пытаемся передать свои знания в переводах или в подстраничных сносках. Однако кое-где, к сожалению, читателю придется ограничиться лишь «верхним смысловым слоем» публикуемых текстов: мы можем помочь ему понять, что хочет сказать тот или иной автор; однако нам не всегда удастся понять, какие политические убеждения стоят за тем или иным утверждением, к каким научным лагерям и направлениям принадлежит автор, что означает в его устах употребление или неупотребление того или иного термина, с кем автор скрыто полемизирует, и т. п.

5.

Последнее. В статьях, публикуемых в данной книге, использованы несколько понятий (и, соответственно, терминов), достаточно трудных для понимания (и перевода) и заслуживающих специальных комментариев. Многие подобные случаи разъясняются в подстраничных сносках (*Прим. ред.*) Однако некоторые комментарии вынесены в глоссарий (см. ниже с. 17–23), поскольку комментируемые термины либо встречаются более чем в одной статье, и пояснения в сносках пришлось бы повторять по несколько раз, либо эти комментарии превышают объем, допустимый для подстраничных сносок.

---

⁹ Я не случайно называю здесь только конференции и съезды, происходящие в США. Не знаю, к сожалению или к счастью, но современная (социо)лингвистика (и, наверное, не только она) устроена именно так: событие, произошедшее за пределами США, идея или теория, разработанная в других странах (или на другом языке), как бы не вполне существуют в мировой науке до тех пор, пока она не подхвачена американцами. Это касается даже Великобритании. Удобный пример — все те же исчезающие языки: первый серьезный сборник, посвященный этой проблеме, вышел, как уже упоминалось, в 1977 году (*Language Death 1977*), и в нем уже есть все необходимое, включая осознание катастрофичности ситуации («the drama of dying languages that is taking place around the world», — пишут составители в предисловии); но предметом беспокойства мировой науки, объектом всеобщего внимания (и целевого финансирования) эта проблематика стала только через 15 лет, после выхода подборки в *Language*. (В то же время Джон Гамперц использует термин «языковой сдвиг» как хорошо знакомый уже в 1968 году — см. его статью в данной хрестоматии.) С одной стороны, это печально: проблему могли бы заметить на 15 лет раньше; но с другой стороны — боюсь, что если бы не вмешательство американских ученых, она так и не стала бы объектом государственной (и межгосударственной) заботы большинства развитых стран.